

Вадим ЯКУНИН,
доктор исторических наук, профессор

С нами Силы Небесные

Истоки православных легенд о Великой Отечественной войне

Показательно для определения уровня и характера религиозности населения рождение в военные годы легенд, объясняющих победы советских войск – под Москвой, Курском, Сталинградом – помощью Небесных, сверхъестественных сил. В духовной жизни людей вера в Божий промысел, чудо, видение неотделима от религиозного миропонимания (к которому мы, разумеется, должны относиться с уважением и пониманием – что не исключает возможности его научного, рационального исследования).

Следует отметить, что некоторые легенды (например, об облёте Москвы самолётами с чудотворными иконами, о встрече И. В. Сталина со святой Матроной) практически не опираются на реальные события, другие же имеют под собой какую-то основу (в частности, удалось обнаружить в Государственном архиве Российской Федерации свидетельства об обновлении и мироточении икон). Однако и те и другие известия играли в военные годы важную роль в сознании верующих, вселяли надежду на неминуемую победу над врагом, помогали пережить тяготы войны. Надежда на чудо в военные годы придавала верующим людям сил, поэтому надо анализировать такие легенды и мифы, для того чтобы понять их истоки, основы. Такие известные учёные, как профессора О. А. Платонов и иеросхимонах Моисей (в миру Валентин Евгеньевич Боголюбов) приводят в своих книгах многие православные легенды и мифы периода Великой Отечественной войны. Цель нашей работы – выявить, какие реальные факты лежали в основе некоторых преданий.

Среди православного духовенства и верующих бытует легенда, что Г. К. Жуков всю войну возил с собой в машине образ Казанской Божией Матери – самой «боевой и военной» иконы. Отправленный после войны командовать Одесским военным округом, проезжая Киев, Г. К. Жуков якобы принёс в храм эту икону и попросил оставить в алтаре. Объяснить рождение легенды можно многими причинами, в том числе и тем, что Жуков сложился как личность и воин ещё в царской армии, где был удостоен Георгиевских крестов. Известный старец архимандрит Кирилл (Павлов) убеждённо говорил о маршале, что «Душа его христианская... Печать избранничества Божия на нём чувствуется

во всей его жизни. Прежде всего он был крещён, учился в церковноприходской школе, где Закон Божий преподавался, посещал службы Храма Христа Спасителя и услаждался великолепным пением церковного хора, получил воспитание в детстве в верующей семье – всё это не могло не запечатлеть в его душе христианских истин» (эти слова приводит в своей книге «Сокровенная жизнь души» и в других публикациях дочь полководца Мария Георгиевна).

Есть и другие устойчивые православные предания о маршале Победы. Один из белорусских священников пожаловался в письме Г. К. Жукову, что фашисты увезли колокола из его храма. Через некоторое время после этого, по приказу маршала Жукова, по железной дороге были доставлены в церковь несколько колоколов и взвод солдат для наладки. Жуков соединил собой разные эпохи и традиции, он – Георгиевский кавалер и четырежды Герой Советского Союза. Согласно преданию, именно ему в 1945 году выпала высокая честь вновь возжечь лампаду в знаменитом Свято-Алексиевском храме-памятнике Русской Славы, построенном в 1913 году в Лейпциге в память о российских воинах, погибших в боях с полчищами Наполеона. Более осторожные исследователи подтверждают, что маршал инициировал реставрацию храма и возложил там памятный венок.

Из того же круга легенд известно, что начальник Генерального штаба Борис Михайлович Шапошников (бывший полковник царской армии) носил с собой образ святого Николая и молился. Верующие придавали особый смысл тому, что его преемником на посту начальника Генштаба стал сын священника из Кинешмы маршал А. М. Василевский. Документально подтверждены факты того, что в освобождённой Вене в 1945 году по приказу маршала Ф. И. Толбухина были отреставрированы витражи в русском православном соборе и отлит в дар храму колокол с надписью «Русской Православной Церкви от победоносной Красной Армии» [14, с. 5; 15, с. 21; 25, с. 124].

О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже литераторы, например, писатель В. Ф. Тендряков [20, с. 224]. Естественно, что верующими становились и рядовые солдаты, ежедневно рисковавшие своей жизнью. В одном из писем

с фронта, характеризующем типичную ситуацию того периода, солдат М. Ф. Черкасов писал домой матери: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу» [16].

Особое значение верующие придавали памятным датам в церковном календаре: начало контрнаступления Красной армии 6 декабря 1941 года под Москвой совпало с днём памяти святого благоверного князя Александра Невского – защитника земли Русской. Многие верующие убеждены, что совпадение начала Великой Отечественной войны с днём Всех Святых, в Земле Российской просиявших, свидетельствует о небесном заступничестве перед Господом за Россию сонма угодников. Киев был освобождён 6 ноября 1943 года, в день празднования иконы Божией Матери, именуемой «Всех скорбящих Радость». В 1945 году Пасха совпала с днём Георгия Победоносца (6 мая), и это для религиозных людей было знаком скорой победы над фашистской Германией. Всё это способствовало укреплению в массовом сознании убеждений о закономерности и промыслительности поворота в религиозной политике советского государства [23, с. 289].

Как видимое свидетельство помощи Божией нашему народу верующие называют многочисленные обновления икон, происходившие в годы Великой Отечественной войны во многих епархиях, пострадавших от фашистского нашествия. Обновления икон всегда рассматривались верующими людьми как особые знамения, призванные ободрить народ в дни больших скорбей и страданий, духовно облегчить испытания. Православные россияне верили, что спасение Отечества в 1941–1945 годах – явление не просто исторически важное, судьбоносное, но сверхъестественное и непостижимое... Следует отметить, что долгие годы акты об обновлениях икон, как и саму память об этих событиях, власти предержавшие старались тщательно скрывать от народа в секретных папках спецхрана Государственного архива Российской Федерации. Такова была воля советского руководства.

Вот скудные архивные строки одного из сотен документов: «В 1944 году в феврале месяце имел место случай «обновления иконы» в Ивановской области. Организаторы этого обновления – бывший священник Сорокин и гражданка Пе-

Память. братья Газдановы. Вадим Каджаев. 2015

трова – органами НКГБ арестованы и осуждены, икона конфискована» [2, л. 114]. О том, что было в дальнейшем с этими людьми, можно только догадываться. Нам не известна судьба свидетелей чудесных обновлений икон, называемых в протоколах «организаторами». На каждое такое обновление органами НКГБ заводилось особое дело, велось следствие.

А вот выдержки из другого акта – «Об обновлении иконы в селе Королёвка Макаровского района Киевской области», составленного окружным благочинным протоиереем Плахтеевым Дмитрием Павловичем в присутствии жителей того же села Левченко Николая Павловича и Зайцевой Софии Васильевны. «Сего числа (18 августа 1944 года)

нами вторично проверен факт обновления икон: Почаевской Богоматери «Неопалимая Купина» и Апостола и Евангелиста Марка – у гражданки села Королёвки Зайцевой Софии Васильевны, причём оказалось, что всё изложенное в акте № 1 отвечает действительности, кроме упущенного из виду... 22 июня 1944 года совершилось обновление икон... Хотя оно происходило во время утренней молитвы, около 9 часов утра, но процесса обновления икон София не видала, только обратив взоры на иконы, она заметила, что они просветлели, и в другой раз говорит, что с икон сходили как бы тучи, а икона делалась яснее и понятнее. При осмотре икон гражданскими должностными лицами, за иконами была паутина... что свидетельствовало за то, что иконы были не тронуты с места. София Зайцева сообщила, что 20 июля у неё опять обновилась... икона святителя Иннокентия, Епископа Иркутского... была почерневшая, а сейчас просветлела. На вопрос отца Плахтеева: «Как люди узнали, что обновилась икона?» – София Зайцева ответила: «Я сначала скрывала факт обновления икон, но когда мне было сонное видение, чтобы отслужить молебен и акафист, то я в этом усмотрела предупреждение, и меня объял страх, что это событие совершилось не только для меня, но и для всех людей. Вот я персонально начала сообщать об этом потихоньку людям... Сначала народ собирался в большом количестве, особенно в праздники и воскресные дни, но приходили и в будни... что побуждало их между собой собирать средства на обед... Были случаи, когда обеды

готовили на 500 человек» [2, л. 56]. В дальнейшем София Васильевна обязалась передать обновлённые иконы в приходскую церковь.

Как одну из форм духовной помощи верующим людям можно рассматривать молитвенные стояния православных подвижников благочестия. Иеросхимонах Серафим (в миру Василий Муравьёв, 1866–1949) встал на свой молитвенный подвиг в поселке Вырица, что недалеко от Ленинграда, ещё в 1935 году. Молитву он возносил не только в своей келье, но и на камне в саду, перед иконой преподобного Серафима Саровского. Продолжалась эта «духовная вахта» (разумеется, с перерывами) десять лет – до 1945 года. Взывая к Всевышнему о прощении людских грехов, вырицкий старец просил о спасении Отечества. Есть множество свидетельств, подтверждающих праведную и подвижническую жизнь отца Серафима, его спасительное молитвенное воздействие на человеческие судьбы. Подвиг иеросхимонаха Серафима Вырицкого, тысячу дней и ночей простоявшего на молитве о спасении России, вселял в сердца верующих россиян надежду на скорую победу над неприятелем [10, с. 33–34; 19, с. 35].

В июне 1941 года Андрей Кузьмич Злобин (1873/74 – начало 1960-х), уроженец села Рачейка, что под Сызранью, взял на себя подвиг молчания. В трёх верстах от родного селения, у ручья, он срубил келейку, водрузил рядом крест, а на гору втащил плоский камень, чтобы молиться на нём в подражание преподобному Серафиму Саровскому. Всю войну на вершине Лысой горы предстоял старец Андрей целыми сутками, молясь о спасении России [18, с. 122–123]. Его молитвенное стояние свидетельствовало о возрождении духовного подвижничества.

Одна из православных легенд гласит: «Зимой 1941 г. Сталин призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда же... чудотворная Тихвинская икона Богородицы [по другим версиям – Казанская, Владимирская или Площанская иконы Богородицы]... была на самолёте обнесена вокруг Москвы» [11, с. 16]. Возможно, что в основе этой легенды лежит неподтверждённый пока архивными данными факт встречи в начале Великой Отечественной войны И. В. Сталина с руководством Московской Патриархии. История о «воздушном крестном ходе», запущенная в массовый оборот православным писателем-беллетристом Николаем Блохиным, многократно опровергалась церковными историками (например, иереем Николаем Савченко). Как увидим ниже, в некоторых легендах от советских властей требуют организовать крестные ходы с чудотворными иконами православные подвижники – блаженная Матрона, митрополит Илия (Карам).

Распространённое среди жителей северной столицы народное предание говорит, что митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) облетел на самолёте город и якобы окропил его святой водой: «Подойдя к городу, немецкие танки встали, словно вкопанные, и ни на метр не продвинулись вперёд, хотя им путь был открыт» [8, с. 55]. В основе этой легенды лежит тот факт, что митрополит Алексей испытал все бедствия, выпавшие на долю ленинградцев, хотя ему предлагали эвакуироваться из блокадного города [22, с. 199]. В те дни он нередко служил один, без диакона, сам читал помянник и каждый вечер служил молебен святителю Николаю [5, с. 64–74].

Следующая легенда повествует об эвакуации людей из блокадного города катерами через Ладогу. Три катера спешно загружались, а на одном из них ходила с иконой какая-то старушка. Капитан катера подошёл к ней: «Бабуля, не время с иконами ходить!» Та отвечает спокойно: «Сынок, делай своё дело, а я своё делать буду». Загрузили катера людьми и поплыли. Начался обстрел. Два катера сразу же пошли ко дну, а третий, со старушкой, уцелел. Верующие блокадники-ленинградцы рассказывали легенду о дочери священника, ходившей с подругами по Петроградской стороне с иконой Богородицы, обёрнутой в чистую тряпочку. Обходили с молитвой целые кварталы, и ни один «замоленный» дом не был разрушен [4].

В этих преданиях присутствует характерная надежда на чудо... В основу первой ленинградской легенды положены реальные события эвакуации ленинградцев по «Дороге жизни» через Ладожское озеро, а также то, что многовековые записи наблюдений за Ладожским озером валаамских монахов позволили гидрографу Е. Чурову сделать прогноз поведения ладожского льда [4]. Таким образом, для верующих людей переправа через Ладогу была также по-своему благословлена Церковью. В основе второй легенды лежат реальные факты крестных ходов, на которые с началом войны власти смотрели сквозь пальцы. Митрополит Ленинградский Алексей достаточно часто обходил крестным ходом с чудотворной иконой Николо-Морской собор, в котором он в то время и жил, налёты не останавливали его.

После Москвы Казанскую икону Божией Матери, согласно ещё одному преданию, перевезли в Сталинград. Икона стояла на правом берегу Волги среди наших войск, и немцы так и не смогли перейти реку. Митрополит Николай (Ярушевич) в ноябре 1942 года якобы служил перед ней молебен [14, с. 5]. Ядром этой легенды, по всей видимости, стал реальный факт: среди руин Сталинграда единственным уцелевшим зданием была церковь в честь иконы Казанской Божией Матери с приделом Преподобного

Сергия Радонежского. То, что командующий 62-й армией (8-й гвардейской армией) В. И. Чуйков заходил туда, легло в основу предания о его стоянии перед иконами, его молениях о спасении города в храме, и даже о массовых молениях солдат перед Казанской иконой Божией Матери.

В отчёте уполномоченного по делам РПЦ по Сталинградской области за 1944 год говорится о слухах, распространяемых среди населения и военных, о том, что в самый критический момент Сталинградской битвы бойцы одной из частей увидели нечто такое, что заставило их содрогнуться – в ночном осеннем сталинградском небе появилось знамение, указывающее на спасение города, армии и на скорую победу советских войск. Что конкретно увидели воины в Сталинградском небе, отчёт не упоминает [3, л. 105].

Иеромонах Филадельф, в схиме Моисей (в миру Валентин Евгеньевич Боголюбов, доктор технических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны), в своей книге «Заступница Усердная» пишет о мистическом явлении во время штурма Кёнигсберга. Он приводит не подтверждённый документально рассказ одного советского офицера, бывшего в самом центре битвы за город: «Наши войска уже совсем выдохлись, немцы были всё ещё сильны... Вдруг видим: приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними... священники с иконами. Многие стали шутить: «Вон попов привезли, сейчас они нам помогут». Но командующий быстро прекратил всякие шутки, приказал всем построиться и снять головные уборы. Священники отслужили молебен и пошли к передовой с иконой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут? – во весь рост – их же всех перебьют... Но они спокойно пошли в огонь. И вдруг стрельба с немецкой стороны одновременно прекратилась. Тогда был дан сигнал, и наши войска начали общий штурм города-крепости – с суши и с моря. Как потом в один голос рассказывали пленные, перед самым штурмом в небе появилась Мадонна, которая была видна всей немецкой армии, и... абсолютно у всех отказало оружие... Тогда-то наши войска сломали сопротивление врага и взяли город. Во время этого явления Божией Матери немцы падали на колени и очень многие поняли, кто помогает русским». Блокада Ленинграда, как мы узнаём из той же книги иеромонаха Филадельфа, была также прорвана лишь после того, как из Владимирского собора вынесли Казанскую икону Божией Матери и обошли с крестным ходом вокруг города [21, с. 195–196].

В легендах о помощи икон – прославленных образов и маленьких образков-оберегов – нашим воинам лежит вполне реальный жизненный опыт: очень часто уходящим на фронт воинам их верующие матери давали либо

Крестный ход в ознаменование Победы над Германией.

Ставропольский край, станица Ново-Александровская, 9 мая 1945 года

маленькие иконки, либо вручную переписанную молитву «Живые помощи» (Псалом 90 «Живый в помощи Вышняго...»)... Такую молитву моя прабабушка, Мария Петровна Чарыгина, попросила переписать в блокнот уходящего на фронт деда, Чарыгина Николая Прокофьевича. Сейчас этот блокнот с молитвой находится в семейном архиве.

Другой источник легенд об иконах-спасительницах – историческая память. Из поколения в поколение передавались истории о чудесных явлениях и знамениях от икон в разные эпохи и годы. Перед судьбоносной Бородинской битвой 1812 года Смоленскую икону Богородицы пронесли перед полками, и главнокомандующий М. И. Кутузов молился перед ней. Этот эпизод вошёл даже в художественный фильм Сергея Бондарчука «Война и мир». Весной 1943 года правительство разрешило верующим доступ к чтимой иконе Иверской Божией Матери, которую перевезли из закрытого Донского монастыря на поклонение в Воскресенскую церковь в Сокольниках [26].

Совершенно фантастической выглядит история о встрече святой Матроны со Сталиным, будто бы состоявшейся осенью 1941 года. Якобы в 1941 году вождь узнал о московской прозорливице и решил тайно посетить её, чтобы она предсказала ему исход войны. От Матроны Сталин якобы услышал следующие слова: «Красный петух победит. Победа будет за тобой. Ты один из начальства не покинешь Москву». Хотя есть и другая версия: мол, стукнула блаженная Иосифа Виссарионовича кулачком по лбу и сказала не совсем понятное: «Москву не сдавай, думай-думай, а как придёт Александр Невский, так всех за собой и поведёт». Согласно данной легенде,

Отечество. Алексей Калинин. 2009

именно в результате этой встречи И. В. Сталина со святой Матроной пилотируемый личным пилотом вождя самолёт «Дуглас» три раза облетел Москву, имея на борту Казанскую (или Тихвинскую) икону Божьей Матери.

Это «событие» не вошло в официальное изложение жития Матроны Московской, поскольку не было найдено никаких реальных доказательств того, что святая действительно когда-либо беседовала с вождём народов [13]. Легенда о встрече Сталина со знаменитой святой является апокрифом. В основе легенды лежит тот факт, что И. В. Сталин в 1894–1899 годах учился в православной Тифлисской духовной семинарии и общался в молодости с некоторыми известными православными подвижниками благочестия – например, с будущим схииерархом Антонием (в мантии Димитрий, в миру князь Давид Абашидзе, 1867–1942).

Верующие считали, что не случайно Сталин в речи, переданной по радио 3 июля 1941 года, избрал обращение к народу, которое использует православное духовенство в проповедях, обращённых к пастве: «Братья и сёстры». Принимая 7 ноября 1941 года парад уходящих на фронт войск, Сталин призвал их вдохновляться в сражениях «мужественными образами наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Суворова и Кутузова» [17, с. 7, 37]. Отметим, что князь Александр Невский – это один из наиболее чтимых на Руси угодников, а князь Дмитрий Донской почитался и до своей канонизации в 1988 году как святой. 29 июля 1942 года по личному указанию И. В. Сталина был учреждён орден Александра Невского [1, с. 72].

В работе участника Великой Отечественной войны про-

тоиерея Василия Швеца мы находим ещё одну легенду о том, как была спасена наша страна. Перед самым началом Великой Отечественной войны одному старцу Валаамского монастыря во время службы в храме якобы было явление Божией Матери, святого Иоанна Крестителя, святителя Николая и сонма святых, которые молили Спасителя, чтобы он не оставил России. Спаситель отвечал, что в России так велик упадок веры и благочестия, что невозможно терпеть эти беззакония. Все святые и Богородица продолжали молиться со слезами. Наконец Спаситель сказал: «Я не оставлю Россию... Накажу, но сохраню» [24].

Известно предание о молитвенном подвиге митрополита Гор Ливанских Илии (Карама, 1903–1969). Владыка Илия, узнав о начале Великой Отечественной войны, спустился в каменное подземелье, куда не доносился ни один звук с земли, где не было ничего, кроме иконы Божией Матери, и затворился там. Он не ел, не пил, не спал, а только, стоя на коленях, молился пред иконой, прося Богородицу открыть, чем можно помочь России. Через трое суток бдения ему будто бы явилась в огненном столпе Божия Мать и объявила, что он избран для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа российского. Оно заключалось в том, чтобы нашему народу была предоставлена возможность свободно возносить молитвы в храмах и пред иконой Казанской Божией Матери, которая должна идти с войсками до границ России. А по окончании войны митрополит Илия должен приехать в СССР и обо всём рассказать... Митрополит Илия действительно в 1947 и 1948 годах (а затем – в 1954, 1958, 1960, 1963, 1968) посещал Россию. От патриарха Московского и всея Руси Алексия I, священнослужителей и верующих он получил многочисленные награды и подарки [21, с. 195–197; 24]...

Источником этой легенды считают протоиерея Василия Швеца, встречавшегося с митрополитом Илиёй в 1947 году в Ленинграде и в 1963 году в Пскове, и на которого митрополит произвёл сильное впечатление. Но протоиерей Василий Ермаков, бывший очевидцем приезда Илии Карама в Ленинград, отзывался о нём как о «проходимце, собиравшем и увозившем русское национальное достояние». А по словам историка Андрея Кострюкова, «достаточно почитать опубликованную ныне переписку Патриарха Алексия I с гг. Карповым или воспоминания митрополита Волоколамского Питирима (Нечаева), чтобы понять, что это был скорее аферист, чем боговидец» [9].

Возникает вопрос: как относиться к «православной мифологии» на тему войны? И в чём может заключаться не только историко-религиозное, религиоведческое, но и общечеловеческое значение этих преданий? Прежде

всего, следует отметить: представители высшей иерархии очень осторожно относятся к известиям о фронтовых чудесах. Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев) на вопрос, правда ли, что во время Московской битвы, когда положение Красной армии было критическим, русские священники обнесли рубеж обороны святыми иконами, и дальше этой линии враг уже не прошёл, ответил: «Я ничего не слышал раньше об этом. Хотя знаю очень много...» [12].

Но само спасение Церкви и страны в лихолетье 1941–1945 годов, с точки зрения верующего человека, является величайшим чудом. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II о Великой Отечественной войне говорил как о духовной битве, в которой на помощь русскому солдату «пришли Сам Господь и Пречистая Его Мать, все Небесные молитвенники за землю нашу, её покровители и заступники... Чудеса Божии, по молитве верных чад церковных, во множестве совершались над русской ратью». Многочисленные потери и страдания,

считает патриарх, не прошли бесследно: «Посему принял Господь молитвы людей Земли Русской и даровал нашему многострадальному народу великую пасхальную радость мира». По мнению патриарха Алексия, «сила Божия была с народом нашим потому, что мы боролись за правду, и потому, что Господь увидел дух народа, сплотившегося воедино ради защиты жизни и мира вопреки господствовавшей тогда в стране идеологии атеизма и тоталитаризма» [7, с. 5–6].

Появление легенд о чудесных явлениях и знамениях периода Великой Отечественной войны объясняется стремлением народа увидеть в победах над гитлеровскими захватчиками нечто сверхъестественное и непостижимое, необъяснимое с точки зрения человеческого разума. Одновременно они помогали верующим не терять присутствия духа в невероятно трудной обстановке. Страдание, горе, потеря родных и близких – всё это давало почву для рассказов о сверхъестественных силах и событиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодов И. В. Беседы о фалеристике. М., 1990.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 11.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16.
4. Григорян Е. Блокадное причастие//Благовест. 1994. № 20.
5. Добрынин М. Пятидесятилетие епископского служения Святейшего Патриарха Алексия//Журнал Московской Патриархии. 1963. № 5. С. 64–74.
6. Жданова З. В. Сказание о житии блаженной старицы, матушки Матроны. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993.
7. Журнал Московской Патриархии. 1995. № 5. С. 5–6.
8. Костин Б. За други своя//Журнал Московской Патриархии. 1990. № 5. С. 55–58.
9. Кострюков А. При Сталине был бы порядок?//Православие и мир. 19.5.2017.
10. Новиков А. Н. Праведная и подвижническая жизнь Серафима Вырицкого//Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1990. № 1. С. 33–34.
11. Паламарчук П. Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. 1. Кремль и монастыри. М., 1992.
12. Питирим (Нечаев), митрополит. Патриотизм и нравственность неразделимы//Красная звезда. 1991. 29 мая.
13. Платонов О. А. Бич Божий. Величие и трагедия Сталина. М., 2005.
14. Саулкин В. Очистительное испытание//Радонеж. 1995. № 3.
15. Седов В. Пастырь добрый//Журнал Московской Патриархии. 1990. № 5. С. 21–25.
16. Советская Россия. 13 сентября 1990.
17. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1944.
18. Подвижники Самарской земли. Самара, 1995.
19. Таисия монахиня. Иеросхимонах Серафим//Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1990. № 1. С. 35–38.
20. Тендряков В. Ф. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1978.
21. Филадельф, иеромонах. Заступница усердная. М., 1992.
22. Чирков М. С. «Претерпевая муки голода и тяжёлой осадной жизни»: служение будущего патриарха Алексия I в блокадном Ленинграде (1941–1944 гг.)//Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2019. Ч. 1. С. 195–203.
23. Чирков М. С. «Религия вносит в народ облагораживающее чувство»: возрождение православия в Поволжье (1945–1949 гг.)//Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2015. С. 286–294.
24. Швец Василий, протоиерей. Заступница//Русский вестник. 1991. № 26.
25. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 1999. – 400 с.
26. John Shelton Churtiss. The Russian Church and the Soviet State. 1917–1950. Gloucester, mass Peter Smith, 1965.